

ТРИКСТЕР – ТРАНСГРЕССИЯ – ХАРИЗМА И ГЕНЕЗИС КАЗАЧЕСТВА.

В исторической литературе, посвященной прошлому казачества не утихают споры о его генетических корнях. На роль «отцов» казачества выбираются этносы и субэтносы. По сути, данная полемика бесперспективна, если не вредна. Нет никакого сомнения, что в складывании казачества участвовали многие этнические группы; генетически «чистых» народов не бывает. К сожалению, накал страстей вытеснил на периферию исторического сознания иные, более значимые вопросы: а каковы именно социокультурные истоки казачества? Здесь рассуждения обычно ограничиваются констатацией факта о проживании на пограничных территориях, где от человека требовались особые психофизические свойства, принадлежность к специфической культуре. Но какие механизмы обуславливали её генерацию – умалчивается. В настоящей публикации предпринято предварительное рассмотрение данной проблематики с опорой на междисциплинарный подход, при котором используются положения ряда гуманитарных и естественных наук (философии, биологии этологии, истории, антропологии и этнологии).

Исследовательский инстинкт, связанный с освоением пространства, относится к числу базовых для многих биологических видов. К. Лоренц в числе причин агрессии у животных называет борьбу за территорию и за место на уже освоенной территории [11]. Например, у грызунов ориентировочно-исследовательское поведение конкурирует с агонистическим поведением [2]. Изучение их жизни подтверждает, что сложная, насыщенная предметами среда и обширная территория позволяют низкоранговым самцам отыскать убежища от агрессии доминантных особей [7, с. 86–88; 12]. И напротив, как показано в эксперименте «Вселенная-25» Д. Кэлхуна, пищевое изобилие не избавляет грызунов от внутривидовой агрессии и последующего уничтожения, при их нахождении в ограниченном замкнутом пространстве.

Если животное адаптируется к природе, то человек, напротив, приспособливает природу под собственные нужды. Это порождает постоянный рост потребностей, как и формирование человеческого социума в виде неравновесной системы. По мнению А. П. Назаретяна, рано или поздно в её существовании наступает кризис: «фаза опасного снижения устойчивости, когда в силу изменившихся внешних или внутренних условий, наработанные ранее шаблоны жизнедеятельности способны привести к её разрушению». Далее следуют

либо разрушение системы, или, как варианты, смена среды обитания, выработка качественно новых шаблонов (механизмов) жизнедеятельности [12, с. 124].

Но, в отличие от животных, человек обладает активным отношением к окружающей природе и абстрактно-образным мышлением. Свои действия он вынужден обосновывать. Его рефлексия принимает различные формы. В традиционной культуре это – мифы, в которых присутствует архетипическая фигура трикстера. Трикстер (англ. Trickster – обманщик, ловкач) в фольклоре и мифологии – божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или не подчиняющееся общепринятым правилам поведения. Трикстеры могли быть разными: плутоватыми, глупыми или вороватыми. Обычно их антиповедение не вызвалось «злым умыслом», они переводили существующие проблемы в зону осмеяния, в игровую форму.

Естественно, что действовать им приходилось в чуждой среде. Трикстер, порожденный социальными реалиями, пространственно стремился покинуть их, что не избавляло его от функциональных обязательств, как и не снимает ряда вопросов о содержании его действий. Присутствующие противоречия – элементы случайности или, напротив, нарушения норм трикстером создаются внутренними потребностями культуры? Чем вообще обусловлены проступки и преступления трикстера? При разработке ответов целесообразно использование постмодернистских практик, например, категории «трансгрессии», которая означает (по М. Фуко) акт эксцесса, излишества, злоупотребления, преодоления возможного. Жорж Батай дополнительно акцентирует внимание на связи трансгрессии с той древностью, в которой жертвоприношение рассматривалось как вынужденное преступление жреца [1].

И действительно, здесь имеется семантическая близость: проступки, проступки далее перерастают в преступления (сравни: переступать, преступать). Трикстер в запредельном пространстве всегда изгой, извергнутый, он и на деле преступает этические и иные границы. Но все его злодеяния перевоплощаются в благодеяния. «Таким образом, – замечает Рене Жирар – перед нами, как и всегда, парадокс бога, который полезен, потому что вреден, который служит фактором порядка, потому что служит фактором беспорядка». Трикстер, считает исследователь, это бог-обманщик, бог-проказник, который, однако, нужен социуму [5, с. 138–139].

Грехи трикстера перекрываются, уменьшаются конечным положительным результатом. Соответственно, и миниатюризация осваиваемого пространства, и, одновременно, победа, вроде бы, слабейшей из сторон далее представляются оправданными и закономерными. Переход к детализации, освоению, снимает покров тайны, уменьшает

опасения и возвращает территории её адекватные «человеческие» масштабы. Не случайно, что трикстеры нередко либо преуменьшают, либо преувеличивают свою силу, богатства, достоинства или недостатки [13, с. 148]. Жертвы трикстера – это всегда меньшие из зол. И они предназначены для восстановления справедливости. Трикстер не столько палач, сколько жрец. «Жертвоприношение – замечает антрополог О. Тимофеева – это хитрость: умрет другой, смерть, которую мы преодолеваем, не совсем «наша» [15, с. 107]. То, что в сакральном действе подразумевалось, трикстер осуществляет вполне открыто, бравидуя перед окружающими своими проступками.

Трикстер – юморист-одиночка, он открывает неизведанную территорию, но удержать её способны лишь сплоченные коллективы, которые, в идеале, обладали новыми механизмами жизнедеятельности. Хрестоматийным примером таких коллективов являются так называемая «Страна городов» или археологическая культура Синташты на Южном Урале. Её протогорода (в том числе знаменитый Аркаим) это построенные по единому плану овалы или круглые крепости. Изнутри, торцами стен к линиям укреплений примыкали радиальные общественные и личные помещения. Своими пространствами и смежными стенами они составляли объемные кольца укреплений. Совместное нахождение в таком замкнутом «крепостном» пространстве, с общими стенами, было возможно лишь при тесных межличностных контактах в коллективе, насчитывающем от 1000 до 4000 членов.

Несомненно, что подобная близость могла сохраняться только при враждебном внешнем окружении. По мнению специалистов, «Страна городов», существовавшая в эпоху средней бронзы (около 3–2 тысяч лет до н. э.), является поселениями древних ариев (или индоиранцев), знающих литейное производство и навыки управления боевыми колесницами, запряженными лошадьми. Видимо, арии были пришельцами, сумевшими потеснить автохтонные племена. «Возникшая монополия на приоритетное обладание самым быстроходным и манёвренным колёсным транспортом, невероятно усиливающим боевую мощь и значительно расширяющим военные горизонты, привела к милитаризации общества и проведению агрессивной внешней политики, вылившейся в дальние северные походы, фиксируемые в виде синташтинского феномена» – считает А. И. Кукушкин. Исследователь также отмечает, что «локализация монументальных «военных городков» или «фортов» и военизированный облик их обитателей сильно напоминают хорошо известную тактику завоевания и поэтапной колонизации новых территорий». [9, с. 68].

От себя добавим, что кольцевые укрепления с общими стенами типологически близки и к недолгим стоянкам кочевников и к казачьим куреням в походе. Аналогии прослеживаются и с таёжными городками обско-угорских народов, например, с былинным Эмдером,

в котором две линии деревянных укреплений были близки по форме к овалам [6, с. 9, 203]. В культуре Синташты, поселения поджигали, но, если возвращались, то на том же месте отстраивали его заново [9, с. 69]. Подобно им Эмдер также неоднократно сгорал и затем вновь отстраивался. При анализе культуры Синташты В. В. Отрощенко попытался реконструировать особенности менталитета жителей «Страны городов», объяснив их мировоззрение через концепцию О. Прицака о харизматических кланах, претендовавших на божественное происхождение и постоянно занятых управлением, торговлей, войнами: «Это были первые профессионалы, то есть профессиональные воины и международные торговцы». Причина их появления во II тыс. до н. э. – изобретение новой военной техники – колесниц [14, с. 83].

Согласно данной концепции, основу таких кланов первоначально составляли неженатые юноши, что вполне согласуется с ранними обычаями викингов и казаков, а с другой – фактами связей между пришельцами-воинами и местными девушками. Так формировались механизмы преодоления маргинального статуса воинов-пришельцев [4, с. 24–41]. Одно из объяснений их действий предложено Г. С. Лебедевым. Он рассматривал материалы по истории Древней Ладоги (Адейгьюборга), в которой межэтнические контакты были особенно интенсивными. Их следствием стало появление «зимних детей», «детей зимних постоев», рожденных от эпизодических связей варягов и славянских женщин и впитывающих культуру двух этносов.

«Эта юная «русь», маргинальная в местном социуме, – резюмировал отечественный историк – подраставшая со славянским языком матери, пополняла контингенты торгово-военных дружин, сначала в Ладого, но в IX–X вв. и во всех «трех центрах Руси», будь то Славийя, Куйбаба или Арса; «дети зимних постоев» подрастали в сознании своего тождества «руси» конунгов, странствующей по морям, и легко сливалась с этой «русью» княжеских дружин. По сути, таким «зимним ребенком» остался в Ладого – Игорь, переданный Олегу, наверное, тоже «из рода русского»; безотцовщиной вырастал осиротевший Святослав Игоревич; тот же маргинальный статус удержал, при жизни воинственного батюшки, Владимир Святославович» [10, с. 503].

Жизнь путешественников (воинов, торговцев, кочевников) была полной опасностей и приключений, она проходила в дальних походах, где открывались новые земли и новые этносы. «Кочевник непринужденно преодолевает границы и превращается из посетителя в покровителя» – замечает антрополог А. В. Головнёв [3, с. 92–93]. Мобильное существование вело к развитию адаптивных способностей и открытости к новациям. Так, путешественники казаков, былинные богатыри всегда открыты и лишены ксенофобских настроений. Историк А. Г. Кузьмин ёмко охарактеризовал авантюрную

аристократическую среду, в которой личная известность и кровные связи индивида доминировали над этнической принадлежностью, как «голубой интернационал» [8, с. 13].

Но последующее, синнполитийное существование (рядом с государствами) породило в маргинальной среде стремление к религиозной или этнической идентичности. Трансформация кочевой, богатырской или дружинной среды, с ее специфической корпоративной этикой и пренебрежением к оседлости, означала придание устаревшим реалиям противоположных значений. «Чингис поднялся из маргинального состояния и часто сталкивался с оппозицией в лице собственных родичей – считает историк Т. Д. Холл. – Поэтому он не полагался на родство для организации своих последователей, но опирался на преданность и автократический контроль. Он создал разноплеменную элиту из своих друзей и приближенных» [16, с. 455–456]. Основным условием близости к монарху теперь были не столько этническая принадлежность, средства прославления сюзерена (известность, знатность предков, аристократизм), но личная преданность личности монарха.

Вне сомнения, генезис казачества отличался длительностью исторической эволюции. Маргиналы-трикстеры, имеющие связь с сакральным миром, но не чуряющиеся и профанного юмора; воинственные мобильные мужские сообщества, с их претензиями на божественное происхождение; кочевники, богатыри, торговцы и казаки, остро ценящие удачу, достоинство, преданность и харизму, обладают типичными чертами. Всё это свидетельства существования общих исторических закономерностей и процессах культурной диффузии на периферийных территориях. Отечественное казачество, будучи порождением границы, имеет в историческом наследии как маргинальные, так и аристократические черты.

Литература

1. Батай Ж. Сумма атеологии: Философия и мистика. М., 2016. 566 с.
2. Беляев Д. А., Пекалис М. М., Фокин Ю. В. Этологические аспекты крыс разных генетических линий на занятой ими нейтральной территории // Биомедицина. 2012. № 4. С. 80–82.
3. Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. 592 с.
4. Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция образов человеческого пространства: общетеоретические и конкретно-исторические аспекты. Ханты-Мансийск, 2013.
5. Жирар Р. Козел отпущения. СПб., 2010. 336 с.
6. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. 320 с.

7. Котенкова Е. Н., Мешкова Н. Н., Шутова М. И. О крысах и мышах. М., 1989. 176 с.
8. Кузьмин А. Г. Предисловие // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн. 2. / Сост. А. Г. Кузьмин. М., 1986. С. 5–34.
9. Кукушкин А. И. Культурно-исторические истоки и культурное наследие синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. К 80-летию Г. Б. Здановича / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск, 2018. С. 62–81.
10. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. 640 с.
11. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994. 272 с.
12. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). М., 2004. 368 с.
13. Новик Е. С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского / Сост. С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик. М., 1993. С. 139–152.
14. Отрошенко В. В. Синташтинская культура и концепция харизматических кланов О. Прицака // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. К 80-летию Г. Б. Здановича / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск, 2018. С. 82–91.
15. Тимофеева О. История животных. М., 2017. 208 с.
16. Холл Т. Д. Монголы в мир-системной истории // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Отв. ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград, 2006. С. 442–467.

Жиганова М. И.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОТРАЖЕННЫЕ В КАЗАЧЬИХ СКАЗКАХ.

Одной из самых больших ценностей казачества является семья. Каждый член семьи имеет свой очерченный круг прав и обязанностей, зависящий от того, какую социальную роль он исполняет. Отец – глава семьи, но старшим в семейной иерархии является дед, мать – хранительница очага, сын – продолжатель рода и опора родителей, дочь – работница, которая уйдет из семьи после замужества. Все эти социальные роли находят свое отражение в казачьих сказках, в которых разыгрываются различные сценарии семейных отношений.